

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

И

ВОСПОМИНАНІЯ О БѢЛИНСКОМЪ

И. И. ПАНАЕВА

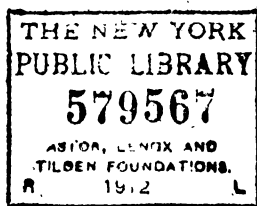
ВЪ
ВЪ
ВЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Издание В. Ковалевскаго

1876

(Панаева)
* Q5

WOLFF
CLUB
YEAR

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

отъ 1830 до 1839 года.

1830 1839 13, 14, 15

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

И

ВОСПОМИНАНІЯ О БѢЛИНСКОМЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

отъ 1830 до 1839 годовъ.

ГЛАВА I.

Вступленіе.—Благородный пансіонъ при петербургскомъ университетѣ.— Профессора и преподаватели.— Моя любовь къ литературѣ.— Рѣчь на актѣ.— Графъ Хвостовъ.— Письмо ко мнѣ литератора Римскаго-Корсакова.— Литературный вечеръ у него.— М. И. Глинка и баронъ Дельвигъ.— Литературные шуты.— Экзамены.— Пирамида и шапочка.— Выходъ нашъ изъ пансіона съ помощію влюбленнаго инженера.— Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Приступая къ моимъ литературнымъ воспоминаніямъ, я долженъ сказать о самомъ себѣ, на столько, на сколько это необходимо для связи разсказа. Я буду говорить о себѣ съ полною откровенностію. Обличать самого себя труднѣе, чѣмъ другихъ; но я постараюсь быть твердымъ и не колеблюсь при мысли, что моя откровенность можетъ подать поводъ къ болѣе или менѣе остроумнымъ выходкамъ противъ меня журнальныхъ и газетныхъ чиновниковъ. Такія выходы давно уже не производятъ на меня никакого впечатлѣнія. Отрѣшившись мало по малу отъ большей части дикихъ взглядовъ и предразсудковъ той среды, въ которой я выросъ и воспитался, я могу говорить о своемъ прошедшемъ, не смущаясь.

Я учился въ благородномъ пансіонѣ при петербургскомъ университетѣ (теперь 1-я гимназія). Передъ этимъ я былъ помѣщенъ въ высшее училище (теперь 2-я гимназія), въ которомъ я пробылъ только двѣ недѣли. Я умолялъ и плакалъ, чтобы меня взяли оттуда, потому что не хотѣлъ учиться вмѣстѣ съ дѣтьми разночинцевъ и ремесленниковъ. Въ двѣнадцать лѣтъ, не смотря на совершенное ребячество, я уже былъ глубоко проникнутъ чувствомъ касты, сознаніемъ своего дворянскаго достоинства. Мольбы мои взять меня изъ высшаго училища нашли не только совершенно основательными, но даже нѣкоторые изъ близкихъ мнѣ людей рассказывали объ этомъ своимъ знакомымъ съ гордостію. «Дитя, а какія высокія чувства!» и я выигралъ этимъ въ глазахъ родныхъ и знакомыхъ.

Меня опредѣлили въ благородный пансіонъ...

Эти благородные пансіоны существовали единственно только для дѣтей привилегированнаго класса, родителямъ которыхъ казалось тогда обременительнымъ и бесполезнымъ подвергать своихъ избалованныхъ и изнѣженныхъ дѣтокъ излишнему труду и тяжелому университетскому курсу, наравнѣ съ какими нибудь разночинцами и семинаристами. Курсъ благородныхъ пансіоновъ едва ли былъ не ниже настоящаго гимназическаго курса, а между тѣмъ эти пансіоны пользовались равными съ университетами привилегіями. Нѣкоторые профессора университета и учителя не скрывали по этому поводу своего негодованія и высказывали его очень рѣзко, особенно на экзаменахъ. Они пожимали плечами, покачивали головами и справедливо замѣчали, что награждать университетскими привилегіями такихъ *неучей, какъ мы* — вопіющая несправедливость. Объ этомъ намъ особенно часто повторялъ учитель латинскаго языка, преподававшій этотъ языкъ также и въ высшемъ училищѣ. Онъ съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ

нападалъ на насъ. Неблаговоспитанность его доходила до крайнихъ предѣловъ. Если кто нибудь изъ насъ не зналъ урока и повторялъ подсказываемое ему сзади товарищемъ, — то учитель, насунувъ свои густыя брови, восклицалъ обыкновенно:

— Коли будешь слушать чужія рѣчи, то тебѣ взвѣлять осла на плечи. — Болванъ!

При такихъ грубыхъ выходкахъ, оскорбленные ученики поднимались со своихъ скамеекъ и въ одинъ голосъ говорили:

— Покорно прошу обращаться съ нами вѣжливѣе. Здѣсь не высшее училище. Мы дворяне.

— Ахъ, вы пустоголовые дворяне, возражалъ учитель, — ну какой въ васъ толкъ? Да у меня въ высшемъ училищѣ послѣдній ученикъ, сынъ какого нибудь сапожника, безъ одной ошибки прочитаетъ глаголъ аѳо, покуда я его держу на воздухѣ за ухо...

Профессоръ математики, экзаменовавшій насъ, обыкновенно повторялъ со злобою:

— Нѣтъ, никуда вы не годитесь... развѣ только въ гусары либо въ уланы.

Впрочемъ нѣкоторые профессора и учителя, самые немолчаливые, строгіе и грубые оказывались не только снисходительными, даже нѣжными къ тѣмъ изъ насъ, которые передъ экзаменомъ адресовались къ нимъ съ просьбою о частныхъ урокахъ. Къ числу таковыхъ принадлежалъ и неблаговоспитанный учитель латинскаго языка.

Когда ученикъ являлся къ нему передъ экзаменомъ съ просьбою о частныхъ урокахъ, учитель латинскаго языка обыкновенно пріятно ухмылялся и говорилъ:

— Я предупреждаю васъ, что я беру за уроки дорого... 25 р. за урокъ. Шесть уроковъ для васъ будетъ до-

вольно. Это будетъ стоить вамъ 150 р.—и деньги покорнѣйше прошу впередъ.

Ученикъ отдавалъ ему деньги. Учитель явился на первый урокъ, объявлялъ ему то, что именно онъ спроситъ его на экзаменѣ и затѣмъ уже болѣе не явился на остальные пять уроковъ, отговариваясь неимѣніемъ времени, или болѣзнью.

Къ такимъ наставникамъ мы не могли питать уваженія; къ тому же ихъ рутинное, пошлое, устарѣлое преподаваніе по самымъ жалкимъ курсамъ—не могло не только захотить насъ къ ученію, но просто отвращало насъ отъ этой мертвой науки—и мы принуждали себя учиться только для того, чтобы получить извѣстный классъ... Наши умственные способности нисколько не развивались; онѣ, напротивъ, тупѣли, забитыя рутинной. Безсмысленное заучиванье наизусть, слово въ слово по книгѣ, было основой ученія, и потому самые тупые ученики, но одаренные хорошою памятью, всегда выходили *первыми*.

Пошлость, тупоуміе и разныя нелѣпыя выходки нашихъ наставниковъ, заставили насъ смотрѣть на нихъ, какъ на шутовъ и забавляться надъ ихъ смѣшными и слабыми сторонами.

Профессоръ исторіи Т. О. Р—овъ, вяло преподававшій намъ исторію по Кайданову, маленький, тучный человѣкъ, страстный охотникъ до ватрушекъ, читалъ намъ однажды объ Лже-Дмитріѣ. Нѣкоторые изъ учениковъ запаслись наканунѣ, за ужиномъ, сырниками и положили ихъ утромъ разогрѣть въ печь... Запахъ творога началъ щекотать тонкое обоняніе профессора и онъ, не докончивъ фразы, сошелъ съ кафедръ и отправился прямо къ печной заслонкѣ, отворилъ ее и, запустивъ руку въ печь, воскликнулъ:

— Ужъ тутъ у васъ навѣрно положены ватрушки.

— Это, Т. О.—замѣтилъ одинъ изъ учениковъ—лже-ватрушки, потому что это сырники.

Невинное замѣчаніе это показалось профессору оскорбленіемъ преподаваемой имъ науки и нарушеніемъ дисциплины. Онъ взглянулъ съ любовію на сырникъ, положилъ его въ печь и, обратившись къ ученику, сдѣлавшему замѣчаніе, съ строгимъ видомъ, произнесъ:

— А вотъ я сведу васъ къ инспектору, за вашу неприличную и неумѣстную выходку... и погрозилъ ученику, но потомъ успокоившись взомелъ на кафедру, растеревъ предварительно нѣсколько плевковъ на полу, которые онъ не могъ равнодушно видѣть, что конечно заставляло учениковъ заплевывать весь полъ передъ его приходомъ.

Т. О. Р. бралъ съ насъ подписку на свой курсъ исторіи. Онъ говорилъ, что этотъ курсъ у него совсѣмъ готовъ, стоитъ только приступить къ печатанію; но прибавлялъ наивно, что онъ боится разбойника Полеваго, для котораго нѣтъ ничего священнаго, и который, пожалуй, обругаетъ его.

Преподаватель математики К. А. Ш. былъ еще забавнѣе профессора исторіи. Ш. былъ поэтъ. Разсѣянный, блѣдный, вѣчно съ взъерошенными волосами, онъ часто оставался среди своихъ вычисленій, бросалъ съ негодованіемъ мѣлъ, отходилъ отъ доски и восклицалъ тоненькимъ пѣвучимъ голосомъ:

— Мнѣ эта сушь надоѣла, господа... Что вамъ задастъ къ переводу латинскій учитель? — Дайте я вамъ переведу. Я вѣдь многія мѣста изъ Саллюстія знаю наизусть...

Ученики, разумѣется, съ радостію исполняли его желаніе, и онъ тутъ же принимался переводить, забывая о своей математикѣ.

Онъ не зналъ ни одного ученика въ лицо, и запомнилъ фамилію только одного, который ходилъ съ костылемъ; но

если ученикъ съ костылемъ не зналъ урока, то на вызовъ учителя стоило только выйти другому, вооруженному костылемъ. Учитель никогда не замѣчалъ этой продѣлки.

Преподаватель правъ — А—й, маленькій, худенькій господинъ, съ черными масляными глазками и съ хохолкомъ напередѣ, очень смѣшно пришепетывавшій, болѣе всѣхъ подвергался оскорбленіямъ воспитанниковъ. Его никто никогда не слушалъ, во время его классовъ разговаривали, кричали, играли подъ столомъ въ орлянку и въ карты, а иногда цѣлыя скамейки двигались на него, образовывали около него каре и тѣснили его къ стѣнѣ. Онъ сердился, плакалъ, выбѣгалъ изъ класса и второпяхъ опускалъ ноги въ галоши, не замѣчая, что они налиты квасомъ. Когда по его просьбѣ его перевели въ Ришельевскій лицей и онъ въ послѣдній разъ явился къ намъ на лекцію, его прощаніе съ нами было смѣшно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставило въ насъ тяжелое впечатлѣніе.

«Господа!—говорилъ онъ:—я прощаю вамъ тѣ оскорбленія, котолія вы постоянно наносили мнѣ. Ластанемся длузьями... Мозетъ быть, господа, кто знаетъ?... (и въ эту минуту на глазахъ его показались слезы) звѣзда счастія заголиться для меня надъ Эвксинскимъ Понтомъ...»

Въ этотъ разъ надъ нимъ никто не смѣялся, и когда одинъ изъ воспитанниковъ хотѣлъ при выходѣ его дать ему щелчокъ въ затылокъ,—другіе остановили его... Онъ крѣпко жалъ всѣмъ руки, и лицо его выражало грустное умиленіе отъ чувства признательности за-то, что съ нимъ въ послѣдній разъ обошлись по-человѣчески.

Одинъ только изъ всѣхъ учителей пользовался нѣкоторой любовію и вниманіемъ воспитанниковъ, за свой смѣлый и свободный образъ мыслей. Это былъ учитель россійской словесности В. И. Кречетовъ, издавшій поэму Полинскаго «Дивъ и Пери» съ краткимъ предисловіемъ, въ

которомъ сказано было, что «это такой цѣтокъ въ вер-
 тоградѣ нашей словесности, мимо котораго нельзя пройти
 не полюбовавшись». Кречетовъ былъ изъ семинаристовъ.
 Онъ имѣлъ съ небольшимъ лѣтъ 30, былъ высокаго роста;
 коренастаго тѣлосложенія, съ орлинымъ носомъ, съ голо-
 вою въ формѣ груши, какъ у Людовика-Филиппа, покры-
 тою бѣлокурыми волосами съ завитками на вискахъ. Волосы
 эти начинали рѣдѣть, что повидимому его беспокоило, по-
 тому что онъ имѣлъ нѣкоторое поползновеніе къ свѣтскости
 и щегольству, и онъ безпрестанно запускалъ свои пальцы
 въ волосы, отряхалъ пальцы передъ глазами; бралъ для
 чего-то выпавшій волосъ, разсматривалъ его и раздиралъ
 не безъ нѣкотораго ожесточенія. Онъ имѣлъ также особую
 манеру сморкаться: вынималъ изъ кармана чистый платокъ,
 отряхивалъ его, высмаркивался въ самый кончикъ, завер-
 тывалъ его тщательно и потомъ оскаливалъ зубы и потря-
 саль головою... Большимъ краснорѣчіемъ онъ не обладалъ,
 но какъ-то вздувалъ и взмывивалъ свои фразы, добавляя
 недосказанное жестами руки и различными тѣлодвиженіями.
 Смѣлость и свободный образъ мыслей его заключались въ
 томъ, что онъ открыто и прямо называлъ Пушкина вели-
 кимъ поэтомъ и даже приносилъ намъ его новыя стихо-
 творенія, прочитывалъ ихъ и разбиралъ ихъ красоты.
 Тогда эта была дѣйствительная смѣлость, потому что даже
 имя Пушкина, какъ безнравственнаго и либеральнаго писа-
 теля, нельзя было произносить въ учебныхъ заведеніяхъ.
 Кречетовъ при томъ подсмѣивался надъ всѣми пинтиками и
 риториками и говорилъ, что онъ только по необходимости
 преподаетъ намъ всѣ эти пошлости. Онъ занималъ насъ
 рассказами о своихъ литературныхъ связяхъ и, упоминая
 о Баратынскомъ и Дельвигѣ, обыкновенно прибавлялъ мой
 Дельвигъ, мой Баратынской, или мой *Евгеній*. Изъ древнихъ
 писателей, знакомствомъ которыхъ онъ любилъ щеголь-

нута, Кречетовъ болѣе всѣхъ восхищался Гораціемъ и называлъ его также *мой Горацій*.

Онъ любилъ подтрунить при случаѣ надъ другими нашими преподавателями и называлъ ихъ, съ презрительной гримасой, глупыми старовѣрами; нерѣдко намекалъ намъ о томъ, что у него въ головѣ роятся тысячи мыслей, но что недостатокъ времени не даетъ ему возможности олицетворить эти мысли въ поэтическіе образы. Одинъ онъ изъ всѣхъ нашихъ учителей отзывался съ уваженіемъ о Полевомъ и о его «Московскомъ Телеграфѣ». Онъ обращался съ нами по-пріятельски, не давая чувствовать силу своей учительской и начальнической власти, какъ другіе, и обнаруживалъ особенное расположеніе къ тѣмъ воспитанникамъ, у которыхъ начинала проявляться страсть къ русской словесности. Въ теченіе своего годового курса онъ почти не упоминалъ намъ о риторикѣ и только къ концу года, передъ экзаменомъ, давалъ намъ небольшую тетрадку, заключающую въ себѣ ретику и пѣтику вмѣстѣ, заучивать наизусть... На лекціяхъ же занимался разборомъ нашихъ сочиненій, подтрунивалъ и остригъ надъ ними, декламировалъ намъ стихи Державина, Батюшкова, Жуковского, Козлова и, въ тайнѣ отъ начальства, Пушкина, Баратынскаго, Языкова и Дельвига. Онъ представлялъ намъ характеристики этихъ поэтовъ, разсыпая въ страшномъ количествѣ прилагательныя. Онъ краснорѣчиво говорилъ, что *строй лиры Державина отличается необыкновенною возвышенностію*, что *Державинъ высоко паритъ, какъ орелъ, и гордо ширяетъ въ поднебесьи* (и при этомъ размахивалъ руками) что *смѣлостію и яркостію фантазіи, блескомъ и роскошью своихъ образовъ и картинъ онъ равняется съ древними скандинавскими бардами*; что Батюшковъ *напитался классическимъ духомъ и заимствовалъ у классиковъ ихъ скептицизмъ*, что Жуковский и

Козловъ *свели насъ въ міръ таинственный и новый и познакомили насъ съ романтизмомъ* (слово романтизмъ Кречетовъ обыкновенно произносилъ въ носъ) и прочее. Любимыми словами Кречетова при такихъ характеристикахъ были: *полнота, округлость, сочность, музыкальность, гармонія*, — и онъ безпрестанно повторялъ ихъ при разборѣ новѣйшихъ поэтовъ, особенно Пушкина и Языкова. Произнося слова «сочный», «округлый», онъ какъ бы подтверждалъ окончательно эту полноту и округлость движеніями рукъ.

Однажды Кречетовъ явился къ намъ въ классъ съ таинственнымъ и торжествующимъ видомъ. Онъ сѣлъ на свой стулъ, провелъ рухою по волосамъ и, разодравъ выпавшій волосъ, обозрѣлъ всѣхъ насъ значительно, потомъ выжоркался въ кончикъ платка и наконецъ произнесъ:

— *«Въ послѣднихъ числахъ сентября!...—Въ послѣднихъ числахъ сентября!.. произнесъ онъ еще выразительнѣе, остановившись на минуту—Господа, продолжалъ онъ, ну, что, кажется, можетъ быть обыкновеннѣе, пошлѣе, всеневнѣе, прозаичнѣе этихъ словъ? Эти слова мы произносимъ ежедневно, ежеминутно, въ самыхъ ничтожныхъ разговорахъ... Въ послѣднихъ числахъ сентября! Какая проза! А между тѣмъ, господа это первый стихъ прелестной, игривой, бойкой, ловкой, остроумной поэмы, которая вся искрится поэзіей. Вы думаете, что я шучу—нисколько: этими словами начинается новая поэма Пушкина: «Графъ Нулинъ».*

И вслѣдъ затѣмъ Кречетовъ прочелъ намъ нѣсколько отрывковъ изъ «Нулина», все однако посматривая на дверь, со стеклами въ корридоръ, въ которую нерѣдко заглядывали инспекторъ и его помощникъ. Окончивъ чтеніе, онъ воскликнулъ:

— Начать поэму такими пустыми, прозаическими сло-